

УДК 81'373.2: 82-1

ВЛИЯНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ АУРЫ ПОЭТОНИМОВ НА ВЫБОР ВАРИАНТА ИМЕНОВАНИЯ РЕФЕРЕНТА

© **Ксения Сергеевна ФЕДОТОВА**

Донецкий национальный университет

83001, Украина, г. Донецк, ул. Университетская, 24

E-mail: donnu.lector@mail.ru

ассистент кафедры общего языкознания и истории языка им. Е.С. Отина

E-mail: ks-weiss@mail.ru

Описано функционирование антропонимов и топопонимов, относящихся к именованию одного референта: 1) *Агамемнон – Атрид*; 2) *Одиссей – Улисс*; 3) *Ольга – Эльга*; 4) *Троя – Илион*; 5) *Константинополь – Стамбул – Царьград* в поэтическом языке Н. Гумилева. Раскрыты причины выбора автором указанных собственных имен, описаны порождающие ими художественные смыслы и совокупная семантика, которая служит воплощению определенной идеи произведения и не сводима к формальному «сложению» семантически компонентов. Охарактеризовано происхождение и языковые формы некоторых протонимов, репрезентирующих объекты номинаций. Показано, что семантика собственного имени формируется во взаимодействии формы поэтонима, характера объекта номинации и тематики произведения. Поэтонимы тематически сгруппированы, схематически представлена связь разряда имени и порождаемой им семантики.

Ключевые слова: поэтоним; объект номинации (референт); семантическое поле; поэтика; национальная форма имени

Под референтом в языке понимается «любой объект, названный собственным именем» [1, с. 53]. Применительно к языку писателя поэтонимы, относящиеся к единому референту могут быть рассмотрены как в пределах одного, так и в рамках нескольких текстов автора. При этом поэтонимы, репрезентирующие в языке писателя единый объект номинации, в реальном ономастиконе могут отсылать к разным референтам.

Различие методологий в рассмотрении языка писателя и живого языка видится в отношении к первому не как к системе знаков, а как к совокупности высказываний и их смыслов, которые порождаются заново при каждом прочтении художественного произведения. Язык писателя является лексически замкнутым, но потенциально семантически бесконечным в силу диалогичной структуры отношений «автор-читатель» целым. Идею рассматривать текст не как событие языка, а как событие речи, систематически поддерживает в своих исследованиях, например, В.В. Федоров: «<...> поэтический мир, помимо изображенных в слове и подлежащих восприятию действий героев, включает в себя такие действия, субъектом которых является читатель. Переживаемая читателем эмоция, будучи событием его, вполне личной, душевной жизни, есть одновременно и собы-

тие произведения» [2, с. 212]. На принципиальное отличие лингвистического и литературоведческого подходов к исследованию художественных текстов первым в отечественной филологии обратил внимание М.М. Бахтин: «Можно идти к первому полюсу, т. е. к языку, языку автора, языку жанра <...> Можно двигаться ко второму полюсу – к неповторимому событию текста. Между этими двумя полюсами располагаются все возможные гуманитарные дисциплины, исходящие из первичной данности текста» [3, с. 303-304]. Поэтонимология (литературная ономастика) расположилась на «экваторе» между этими двумя полюсами.

С одной стороны, предметом поэтонимологии являются собственные имена, функционирующие в одном отдельно взятом произведении, – и тогда при их описании невозможно обойти стороной порожденную их взаимодействием совокупную семантику. С другой стороны, предметом этой научной дисциплины могут быть собственные имена из разных произведений одного цикла, сборника или даже всего творческого наследия автора. Динамике изменений семантики одного поэтонима в разных стихотворениях цикла посвящена, например, статья М.В. Бувевской [4]. Попытки систематического описания писательской топопонимии как

единого целого предприняты в работах И.И. Страхова [5], К.Ю. Курс [6], автора этой статьи [7] и др. В целом в поэтонимологических работах последних лет наблюдается интерес исследователей к описанию поэтонимии разных текстов одного автора, что говорит о восприятии ономастической составляющей языка писателя как художественного единства, раскрытие структурных, тематических и семантических взаимосвязей которого помогает понимать авторскую поэтику.

В этой статье предпринята попытка рассмотреть разные по форме, но отсылающие к одному референту поэтонимы, функционирующие в лирике Н.С. Гумилева. К таким собственным именам относятся части одной антропоформулы (имя, фамилия, прозвище, родовое имя и т. д.) и национальные формы одного и того же имени.

Описание причин употребления автором подобных собственных имен, порождаемых ими художественных смыслов и совокупной семантики важно для многогранного представления поэтонимии писателя: предпочтений в выборе онимной лексики, художественных идей, которые автор воплощает благодаря употреблению поэтонима в той или иной языковой форме. При этом семантическое «поле», которое имеет имя в художественном тексте, формируется взаимодействием формы имени, характера объекта номинации и контекста, потому что «доминирующим, определяющим выбор онима для конкретного объекта реального мира является фактор системности, а в формировании поэтонимосферы доминантой оказываются коннотирующие возможности собственных имен» [8, с. 277].

Зафиксировано более пятидесяти случаев употребления различных по форме антропо- и топопоэтонимов, относящихся к одному объекту номинации в поэзии Н.С. Гумилева. Каждая пара или, в одном случае, триада таких имен заслуживает отдельного рассмотрения. В статье приведены лишь некоторые из них, выявлены причины выбора того или иного собственного имени в зависимости от его семантики и роли в стихотворении, проведены параллели с некоторыми другими тематически близкими произведениями Н.С. Гумилева.

Лирический герой стихотворения «Воин Агамемнона» тоскует по своему погибшему

военачальнику, названному в тексте по родовому имени – *Атридом*: / *Смутную душу мою тяготит / Странный и страшный вопрос: / Можно ли жить, если умер Атрид, / Умер на ложе из роз? //* (здесь и далее тексты стихотворений цитируются по [9]).

Атридами именовали потомков Атрея, отца Агамемнона и Менелая. Греческий миф свидетельствует о жестоком характере Атрея: желая отомстить своему брату Фиесту, он убил его сыновей и приказал приготовить из их тел обед, который Фиест в неведении съел. Позже сам Атрей погиб от руки другого сына Фиеста – Эгисфа. В «Одиссее» Гомера Эгисф убил вернувшегося из Троянской войны Агамемнона и вступил в связь с его женой Клитемнестрой. Внутриведетта прервалась после смерти сына Агамемнона Ореста, убившего предателя Эгисфа и свою неверную мать Клитемнестру. Последний сюжет неоднократно воплощался в мировой литературе: у Еврипида, Расина, Вольтера, Гете. Н.С. Гумилева же, вероятно, больше привлекала противоречивая личность отца Ореста. Ключ к пониманию того, что речь в стихотворении идет именно об Агамемноне, дает упоминание о нем как о «вожде золотоносных Микен», и заголовок, – по имени в тексте произведения он не назван, а поэтоним *Атрид* может относиться также к Менелая и Оресту. Но именно благодаря родовому имени воплощается идея преемственности, ответственности потомков за действия предков – идея, в общем близкая Гумилеву как «последователю» Адама: / *И в юном мире юноша Адам, / Я улыбаюсь птицам и плодам //* («Влюбленные, чья грусть, как облака»); / *Но я рад, что еще ребенок / Глотнул воздушной волны. // Он будет ходить по дорогам / И будет читать стихи, / И он искупит перед Богом / Многие наши грехи //* («Новорожденному»).

Взаимосвязь имен *Атрид* и *Агамемнон* в приведенном примере служит порождению художественных смыслов, которые надстраиваются над смысловым полем отдельно взятых поэтонимов: *Агамемнон* – герой, храбрый воин / *Атрид* – потомок Атрея = *Агамемнон* – прекрасный воин, предательски убитый потомок Атрея. При этом принадлежность *Агамемнона* к древнему роду оценивается положительно, сам же лирический герой представлен как безродный и, в срав-

нении с погибшим, ничтожный: / *Что я? Обломок старинных обид, / Дротик, упавший в траву. / Умер водитель народов, – Атрид, / Я же, ничтожный, живу /*. Обломок – нечто не цельное, утратившее связь с изначальным единством. С этой точки зрения Агамемнон – не «обломок», а продолжатель, естественный результат и следствие «старинных обид».

Вариативны сюжеты легенд и мифов, связанных с гибелью Агамемнона: у Гомера воина убивает Эгисф, но в трагедиях, например, в «Орестее» Эсхила, причина смерти героя – его жена Клитемнестра. Она убила Агамемнона из мести за свою дочь Ифигению и желая связать судьбу с Эгисфом. В стихотворении Н.С. Гумилева прямо о причине гибели Атрида не сказано, но предположение возможно: как *Ева* – виновница изгнания Адама («Адам»), так *Клитемнестра* – виновница гибели Агамемнона.

Поэтоним Агамемнон в стихах Н.С. Гумилева встречается три раза (с учетом заголовка), в которых семантическое поле объекта номинации – «герой, сильный воин, человек, одержимый битвой»: / *И в дни прекраснейшей войны, / Которой кланяюсь я земно, / К которой завистью полны / И Александр и Агамемнон /* («Ода Д'Аннунцио»); / *Я так часто бросал испытующий взор / И так много встречал отвечающих взоров, / Одиссеев во мгле парходных контор, / Агамемнонов между трактирных маркеров /* («Современность»). Но совокупное употребление этих имен в одном произведении расширяет семантический спектр поэтонима, добавляет к нему значение родовой преемственности, взаимосвязи времен и поколений.

В стихотворении «Отвечай мне, картонажный мастер» упомянуто название легендарного города Троя: / *В этом мире есть большие звезды, / В этом мире есть моря и горы, / Здесь любила Беатриче Данта, / Здесь ахейцы разорили Троию!* / – речь идет о древнем городе глазами современных поэту людей. Происхождение названия Трои (греч. Τροία) связывают с именем древнего царя Троса, внука Дардана, как это описано у Гомера. В его честь получила название и местность Трояда. Но в «Илиаде» Гомера более употребительно иное название, произошедшее, как и название поэмы, от имени Ила, сына Троса, – Илион (Ιλιον): / *Царь Эрихфо-*

ний родил властелина могучего Троса; / Тросом дарованы свету три знаменитые сына: / Ил, Ассарак и младой Ганимед, небожителем равный / (песнь XX) [10, с. 386]. И хотя с Троей и Илионом чаще всего связывают одну и ту же местность, второй топоним представляется более редким и – почему-то – более древним. «/ *Вот Антином... разъяренные / взгляды... / Сам он громаден и грузен, как слон, / Был бы он первым героем Эллады, / Если бы с нами отплыл в Илион /*» – в стихотворении «Избиение женихов» и топоним Эллада, и топоним Илион передают названия местностей глазами древних людей (древних греков).

Поэтонимы Троя и Илион семантически дифференцированы: каждое имя выполняет свою роль в тексте, называет местность с разных «точек зрения» (термин Б.А. Успенского). При этом акцентируется не этимология поэтонима (этимологически более древним является топоним Троя), а степень его узуальности.

Интересна триада топонимов *Константинополь – Стамбул – Царьград*. Имена этого древнего города, стоящего по обоим берегам Босфора, в разные времена были названиями столиц трех империй: Римской, Византийской и Османской. Имя Константинополь город получил в честь императора Константина Великого, при котором христианство стало официальной религией Римской империи. Этот топоним встречается только в заголовке одноименного стихотворения, в тексте же город назван *Стамбулом*: / *Еще близ порта орали хором / Матросы, требуя вина, / А над Стамбулом и над Босфором / Сверкнула полная луна /* («Константинополь»). Поэтоним в тексте представляет местность глазами лирических субъектов – мусульман паши и его жены. Название Стамбул город получил после того, как был завоеван турками. Название же Константинополь – греческое, христианское, а также более распространенное в начале XX в. Гумилев-автор именуется город по-христиански, как его было принято именовать в России во времена поэта. Но там, где важно передать атмосферу жизни в городе через поступки персонажей, их глазами – Н.С. Гумилев возвращает городу его турецкое название.

На Руси столицу христианской державы Византии называли Царьградом: / *Ответь,*

ужели так и надо, / Чтоб был, свидетель злых обид, / У золотых ворот Царьграда / Забыт Олег медный щит? / «Швеция») – контекст отсылает к историческому событию – походу русского князя Олега на Византию в 907 г. По преданию, в память об успехе военного предприятия князь прибил свой щит к воротам города («Победой отм). С точки зрения языка Стамбул, Константинополь и Царьград – названия одного и того же города, но в разные периоды истории. Но с точки зрения поэтики это не совсем так: *Царьград* – это *древний город*, упомянутый в контексте описания событий древнерусской истории, а *Стамбул* и *Константинополь* – *города, современные поэту*. Потому фактически объекты номинации в триаде этих топопоэтонимов разные. Для Н.С. Гумилева важно было выбрать такое название, которое, кроме простой номинации местности, характеризовало бы город изнутри художественного мира, глазами персонажей произведений.

Предпочтение той или иной национальной формы имени в зависимости от контекста наблюдается в паре поэтонимов *Одиссей* – *Улисс*, первый из которых употреблен четыре раза в четырех стихотворениях и используется в значении «легендарный герой, персонаж поэм Гомера»: */ И смерть придет ко мне на зов, / Как Одиссей, боец в Пергаме / («Моя душа осаждена»), / Встал Одиссей на высоком пороге, / В грудь Антиноя он бросил стрелу / («Избиение женихов»), / Брось, Одиссей, эти стоны притворные, / Красная кровь вас с землей не разлучит / («Ахилл и Одиссей»), / И пальма, о которой Одиссей / Рассказывал смущенной Навзикае / («Об Адонисе»)*. Все примеры содержат отсылки к сюжетам или текстам поэм Гомера, а сам воин представлен в героическом ореоле.

Как известно, имя Одиссей (Ὀδυσσεύς) – греческое, а Улисс (Ulysses) представляет собой римский вариант именованного героя. Последний поэтоним менее частотен (упомянут два раза в двух стихотворениях), но его семантика иная: *Улисс* – «легендарный мореплаватель, путешественник, авантюрист»: */ Ганнон Карфагенянин, князь Сенегамбий, / Синдбад-Мореход и могучий Улисс, / О ваших победах гремят в дифирамбе / Седые валы, набегая на мыс! / («Вы все, паладины Зеленого Храма»), / Неужель хоть одна есть крыса / В грязной кухне иль червь в норе, /*

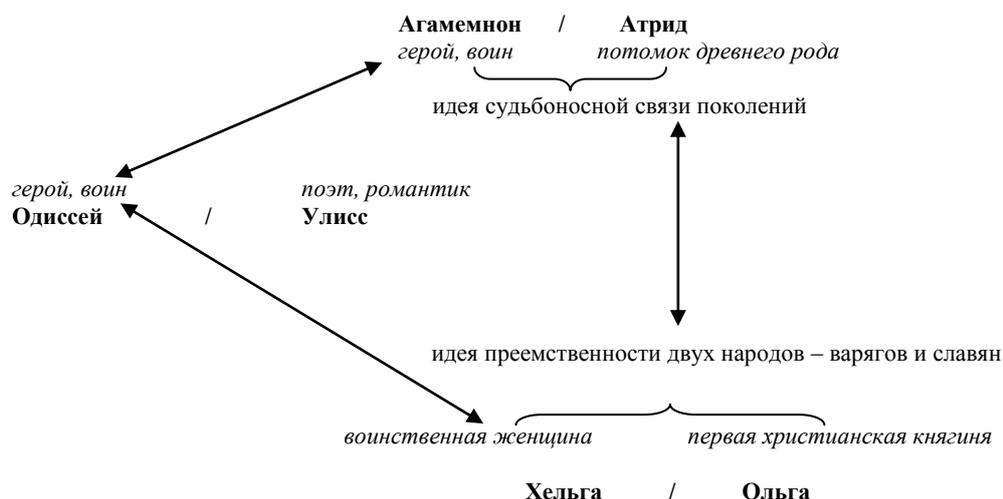
<...> / Что не слышат песен Улисса, / Призывающего к игре? / («Снова море»). В поэтонимном ряду в первом примере *Улисс* соседствует с именами первооткрывателей, авантюристов и завоевателей. Во втором примере семантика поэтонима расширяется: *Улисс* – поэт, *Улисс* – игрок. Это имя лишено аллюзий на сюжеты гомеровских поэм, которые сопровождают поэтоним *Одиссей*. Вместо этого имя *Улисс* звучит в совершенно других тональностях – от мажорно-героической к минорно-романтической. И как результат – становится в новые поэтонимные ряды. Общие семы «воин», «герой», «боец» выявлены у поэтонимов *Одиссей* – *Ахилл* – *Агамемнон*, а семы «поэт», «авантюрист», «романтик» – у имен *Улисс* – *Синдбад* – *Сенегамбий* – *Помпей*. Имея в виду жизненный путь Н.С. Гумилева, Л.М. Сорина назвала его поэтом-воином [11]. Такая характеристика применима и к его творчеству: два начала – поэзия и борьба – гармонично взаимодействуют, дополняют друг друга в художественном мире поэта.

/ Все забыл я, что помнил ране, / Христианские имена, / И твоё лишь имя, Ольга, для моей гортани / Слаще самого старого вина / – так в одноименном стихотворении представлено имя русской княгини, вдовы убитого древлянами князя Игоря Рюриковича. Ольга первой из русских правителей приняла христианство, в православной традиции она причислена к лику святых за начало внедрения христианских традиций в языческое славянское общество. Но в «Повести временных лет» описаны и другие, менее благородные, «деяния» княгини: желая отомстить за убийство мужа, она неоднократно расправлялась с древлянами: уничтожила их поселение, заживо сожгла в запертой бане прибывших к ней послов: */ «Ольга, Ольга!» – вопили древляне / С волосами желтыми, как мед, / Выцарапывая в раскаленной бане / Окровавленными ногтями ход /*. «Желтоволосые» древляне – славяне, призывая княгиню, они зовут ее славянским именем, но Н.С. Гумилев называет ее иначе: */ «Эльга, Эльга!» – звучало над полями, / Где ломали друг другу крестцы / С голубыми, свирепыми глазами / И жилистыми руками молодцы /* – так призывали во время битвы бесстрашные воины (скорее всего, варяги) свою княгиню.

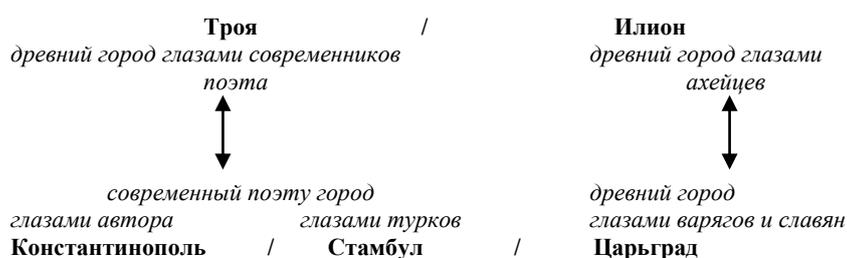
Имя Ольга было заимствовано в эпоху Древней Руси и является вариантом древнескандинавского имени Эльга (Хельга, Helga) [12, с. 170], значит, имя это – варяжское, а Рюрик и его преемники, как известно, были варягами, т. е. язычниками. Н.С. Гумилев акцентирует и противопоставляет национальные формы имен для того, чтобы воплотить идею столкновения и борьбы двух миров – языческого и христианского – в истории Древней Руси. И варяжское, дикое, начало воспринято поэтом положительно – как двигатель развития, преобразования и становления Руси. В более раннем, чем «Ольга»,

стихотворении «Швеция» Русь представлена как страна, родственно и исторически связанная с северными народами: / *Для нас священная навеки / Страна, ты помнишь ли, скажи, Тот день, как из Варягов в Греки / Пошли суровые мужи? /* Но, обращаясь к современности, поэт сетует на утраченные связи и память об исторической преемственности, и как следствие этого – вражду народов: / *И неужель твой ветер свежий / Вотще нам в уши сладко выл, / К Руси славянской, печенежской / Вотще твой Рюрик приходил? /*

Приложение 1. Тематические взаимосвязи антропоэтонимов с единым объектом номинации



Приложение 2. Тематические взаимосвязи топопоэтонимов с единым объектом номинации



Анализ тематических связей рассмотренных имен выявил зависимость порождаемой поэтонимом семантики. Так, в схеме тематических взаимосвязей антропоэтонимов с единым референтом (приложение 1) выделена общая сема «герой» в именах *Агамемнон*, *Одиссей*, *Эльга*. Варианты этих имен дополняют (*Атрид*), расширяют (*Ольга*) семантику указанных поэтонимов, или функционируют как самостоятельные поэтонимы, лишь формально сохраняющие со своим вариантом единый объект номинации (*Улисс*). При этом совокупная семантика, порождаемая взаимодействием пар *Агамемнон – Атрид* и *Ольга – Эльга*, не только не определяется формальным сложением двух семантических компонентов, но представляет собой надмирное (надтекстовое) единство, цель которого – воплотить определенную художественную идею. Так, для пары *Агамемнон – Атрид* это идея судьбоносной связи поколений, ответственности потомков за дела предков, а в паре *Ольга – Эльга* – идея исторической преемственности двух народов – славян и варягов.

В приложении 2 схематически представлены тематические взаимосвязи топопоэтонимов с единым референтом. Поэт выбирает форму топопоэтонима в зависимости от героя или персонажа, с которым это имя будет сюжетно связано. Выделяются названия местностей, представленные глазами современников поэта, и названия, показанные глазами древних людей.

Так, в паре *Троя – Илион* оба топопоэтонима содержат отсылку к древнему городу, но название *Троя* более распространено, т. е. более узуально, потому при именовании этой местности глазами ахейцев поэт выбирает более редкую форму *Илион*.

В триаде *Константинополь – Стамбул – Царьград* последний топопоэтоним репрезентирует город глазами древних славян и варягов, а первые два – тот же город, но глазами современников поэта. При этом турецкое название *Стамбул* употреблено в сюжете, раскрывающем взаимоотношения мусульман паши и его жены, т. е. выбран тот вариант имени, который использовали турки. А поэтоним *Константинополь*, употребленный в заголовке этого стихотворения, свидетельствует о восприятии города глазами автора – как древнего города-столицы первой христианской империи Византии.

Анализ тематических связей рассмотренных имен выявил зависимость порождаемой поэтонимом семантики и его разряда. Так, в схеме тематических взаимосвязей антропоэтонимов с единым референтом (Приложение 1) выделена общая сема «герой» в именах *Агамемнон*, *Одиссей*, *Эльга*. Варианты этих имен дополняют (*Атрид*), расширяют (*Ольга*) семантическое поле указанных поэтонимов, или функционируют как самостоятельные поэтонимы, лишь формально сохраняющие со своим вариантом единый объект номинации (*Улисс*). При этом совокупная семантика, порождаемая взаимодействием пар *Агамемнон – Атрид* и *Ольга – Эльга*, не только не определяется формальным сложением двух семантических компонентов, но представляет собой надмирное (надтекстовое) единство, цель которого – воплотить определенную художественную идею. Так, для пары *Агамемнон – Атрид* это идея судьбоносной связи поколений, ответственности потомков за дела предков, а в паре *Ольга – Эльга* – идея исторической преемственности двух народов – славян и варягов.

В приложении 2 схематически представлены тематические взаимосвязи топопоэтонимов с единым референтом. Поэт выбирает форму топопоэтонима в зависимости от героя или персонажа, с которым это имя будет сюжетно связано. Выделяются названия местностей, представленные глазами современников поэта, и названия, показанные глазами древних людей.

Так, в паре *Троя – Илион* оба топопоэтонима содержат отсылку к древнему городу, но название *Троя* более распространено, т. е. более узуально, потому при именовании этой местности глазами ахейцев поэт выбирает более редкую форму *Илион*.

В триаде *Константинополь – Стамбул – Царьград* последний топопоэтоним репрезентирует город глазами древних славян и варягов, а первые два – тот же город, но глазами современников поэта. При этом турецкое название *Стамбул* употреблено в сюжете, раскрывающем взаимоотношения мусульман паши и его жены, т. е. выбран тот вариант имени, который использовали турки. А поэтоним *Константинополь*, употребленный в заголовке этого стихотворения, свидетельствует о восприятии города глазами ав-

тора – как древнего города-столицы первой христианской империи Византии.

Список литературы

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.
2. Федоров В.В. Проблемы поэтического бытия. Донецк, 2008.
3. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000.
4. Бувеская М.В. Центробежные и центростремительные силы в поэтонимосфере лирического цикла // Восточноукраинский лингвистический сборник. Донецк, 2009. Вып. 13. С. 7-21.
5. Страхов И.И. Ономастика М.М. Пришвина, отражающая Тверской край // Имя собственное в жизни и литературе. К., 2015. С. 320-326.
6. Курс К.Ю. Большая родина в поэзии И.В. Исаковского // Имя собственное в жизни и литературе. К., 2015. С. 291-300.
7. Федотова К.С. От о. Цитеры до Парижа (трансформация топонимов в поэтическом мире Г. Иванова) // Имя собственное в жизни и литературе. К., 2015. С. 332-342.
8. Калинин В.М. О проблематике теории поэтонимосферы // Имя собственное в жизни и литературе. К., 2015. С. 273-280.
9. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М., 1998–2001. Т. 1-4. Стихотворения. Поэмы.
10. Гомер. Илиада / пер. с др.-греч. Н. Гнедича. М., 1978.
11. Сорина Л.М. Поэт и воин Первой мировой войны Н.С. Гумилев. URL: <https://gumilev.ru/biography/46/> (дата обращения: 01.02.2016).
12. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен (около 2600 имен). М., 1966.

References

1. Podol'skaya N.V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terms]. Moscow, 1978. (In Russian).
2. Fedorov V.V. *Problemy poeticheskogo bytiya* [Problems of poetic existence]. Donetsk, 2008. (In Russian).
3. Bakhtin M.M. *Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [The author and the

hero. To the philosophic basis of humanities]. St. Petersburg, 2000. (In Russian).

4. Buevskaya M.V. *Tsentrobezhnye i tsentrostremitel'nye sily v poetonimosfere liricheskogo tsikla* [Centrifugal and circular force in poetonymosphere of lyric cycle]. *Vostochnoukrainskiy lingvisticheskiy sbornik* [East-Ukrainian linguistic collection]. Donetsk, 2009, no. 13, pp. 7-21. (In Russian).
5. Strakhov I.I. *Onomastika M.M. Prishvina, otrazhayushchaya Tverskoy kray* [M.M. Prishvin's onomastics reflecting Tverskoy krai]. *Imya sobstvennoe v zhizni i literature* [Personal name in life and literature]. Kiev, 2015, pp. 320-326. (In Russian).
6. Kurs K.Yu. *Bol'shaya rodina v poezii I.V. Isakovskogo* [Big native land in I.V. Isakovskiy poetry]. *Imya sobstvennoe v zhizni i literature* [Personal name in life and literature]. Kiev, 2015, pp. 291-300. (In Russian).
7. Fedotova K.S. *От о. Tsitery do Parizha (transformatsiya topopoeonimov v poeticheskom mire G. Ivanova)* [From the island Cyter to Paris (topopoeonym's transformation in an artistic world of Georgiy Ivanov)]. *Imya sobstvennoe v zhizni i literature* [Personal name in life and literature]. Kiev, 2015, pp. 332-342. (In Russian).
8. Kalinkin V.M. *O problematike teorii poetonimosfery* [About problems of poetonymosphere theory]. *Imya sobstvennoe v zhizni i literature* [Personal name in life and literature]. Kiev, 2015, pp. 273-280. (In Russian).
9. Gumilev N.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t. Stikhotvoreniya. Poemy* [Complete set of works in 10 vols. Poetry. Poems]. Moscow, 1998–2001, vol. 1-4. (In Russian).
10. Gomer. *Iliada* [the Iliad], trans. from Ancient Greek N. Gnedich Moscow, 1978. (In Russian).
11. Sorina L.M. *Poet i voin Pervoy mirovoy voyny N.S. Gumilev* [The poet and the warrior of the World War I N.S. Gumilev]. Available at: <https://gumilev.ru/biography/46/> (accessed 01.02.2016).
12. Petrovskiy N.A. *Slovar' russkikh lichnykh imen (okolo 2600 imen)* [Russian dictionary of personal names (about 2600 names)]. Moscow, 1966. (In Russian).

Поступила в редакцию 24.04.2016 г.

Received 24 April 2016

UDC 81'373.2: 82-1

INFLUENCE OF SEMANTIC AURA OF POETONYMS ON VARIANT OF NOMINATION OF ABSTRACTER CHOICE

Kseniya Sergeevna FEDOTOVA

Donetsk National University

24 Universitetskaya St., Donetsk, Ukraine, 83001

E-mail: donnu.lector@mail.ru

Assistant of General Linguistics and Language History named after E.S. Otin Department

E-mail: ks-weiss@mail.ru

Functioning of antropoetonyms (human names in literary works) and topoetonyms (place names in works of art) such as 1) *Agamemnon – Atrides*, 2) *Odysseus – Ulysses*, 3) *Olga – Helga*, 4) *Troy – Ilion*, 5) *Constantinople – Istanbul – Tsarigrad* used in poetry by N. Gumilev have been considered. The whys and wherefores of poetonym usage are revealed, its artistical meaning and cumulative semantics which externalizes particular writer's ideas and cannot be led out of given semantic components simple addition. Etymology and linguistics forms of poetonyms (names used as a basic source of its variant in literary art) are described when it is needed. The point that semantic sphere of proper name is organized by cooperation of proper names form, nominative object type and themes of literary work has been shown. Cooperation between class of poetonyms and meaning which they have in a plot is schematically illustrated.

Key words: poetonym; nomination object (abstracter); semantic sphere; poetics; national form of proper name